

ЕВГЕНИЯ И АНТОН ГРАНОВСКИЕ

ИЕРОГЛИФ СМЕРТИ

В детективах полуночи старинные легенды оживают
в современности. Окунитесь в мистические тайны
и ощутите дыхание неведомого...

детектив полуночи

Евгения Грановская
Антон Грановский
Иероглиф смерти
Серия «Маша Любимова и
Глеб Корсак. Следствие ведут
профессионалы», книга 2

текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2982135

Евгения и Антон Грановские. Иероглиф смерти: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55002-9

Аннотация

Следователь Маша Любимова ко многому привыкла, но место этого преступления заставило ее ужаснуться. Сотворить такое с девушкой мог только сумасшедший! Стремясь расшифровать знаки, оставленные убийцей, Маша узнала легенду о жутком обычае древних китайцев – если бедный человек не мог отомстить своему обидчику, он совершал самоубийство на пороге его дома и обращался в дух мщения...

Журналист Глеб Корсак привык получать странные письма и посылки. Но бумажный сверток без подписи привлек его особенное внимание, а содержимое просто повергло в шок. Он счел бы все глупой шуткой, если бы вскоре не обнаружил

в почтовом ящике новый «подарок»... Поняв, что неведомый преступник сделал его партнером своей жуткой игры, Глеб обратился в полицию и выяснил: некто жестоко убил двух девушек и, похоже, на этом не остановится...

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	14
3	25
4	31
Глава 2	37
1	37
2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Евгения и Антон Грановские Иероглиф смерти

Глава 1

1

Зима в этом году наступила раньше обычного. Утром метеослужба заверяла, что к полудню выпавший вдруг посреди ноября снег растает, но этого не случилось.

Когда белый «Мерседес» остановился в безлюдном переулке, было уже девять часов вечера, а снег лежал таким же сплошным слоем, как и утром. И хотя по сравнению со вчерашним днем несколько не похолодало, белое полотно, покрывавшее тротуар и так непривычно контрастировавшее с темными домами, создавало ощущение зимнего студеного холода.

Ира Романенко посмотрела на парня, сидевшего за рулем, и спросила:

– Почему мы остановились?

Тот, не отвечая, достал из бардачка стеклянную фляжку

с коньяком.

– Выпьем по глотку?

– Ты за рулем.

– От одного глотка ничего не случится. – Андрей Голубев улыбнулся. – Давай, прими как лекарство!

Снег за окном был таким холодным, а зима впереди – такой долгой, что Ира не удержалась, взяла бутылку и отпила глоток. Коньяк горячей волной пробежал по пищеводу. Телу стало жарко, но темная улица снаружи стала еще холодней и бесприютней. Черт бы побрал эту утомительную, как хроническая болезнь, московскую зиму – мокрую, пасмурную, промозглую.

Андрей забрал у Иры бутылку и приложился сам. Пока он пил, она смотрела, как размеренно дергается его острый кадык, поросший легкой элегантной щетиной. Хотя что в ней элегантного?

Этот парень воображал себя великим художником, а на деле был обычным бездарем, которому повезло попасть «в струю».

Настроение у Иры продолжало портиться. Андрей отнял бутылку ото рта и вытер мокрые губы ладонью.

– Хороший коньяк, – резюмировал он.

– Если тебя остановит гаишник...

– Не волнуйся, отмажусь. – Он усмехнулся и небрежно хлопнул себя ладонью по внутреннему карману пиджака, в котором, как она знала, лежал бумажник, и в этом жесте бы-

ло столько глупого самодовольства, что Ире стало и смешно, и противно одновременно.

«Противно». Пожалуй, это чувство появилось не впервые за сегодняшний вечер. Он был симпатичный парень, этот Андрей Голубев, но, пообщавшись с ним неделю, Ира отчетливо поняла, что продолжать отношения, а уж тем более доводить их до постели, ей не следует. Да, для настоящих отношений он не годится. Так же, как те, кто был до него. Терпелив? Да. Но этим его достоинства ограничивались.

Отпив еще глоток коньяка, Ира подумала, что, пожалуй, и дружеским отношениям пора положить конец. Слишком уж он нудный, хоть и при деньгах.

Андрей, однако, был настроен иначе. Ира понимала это, но не испытывала особого беспокойства. Даже под хмельком, даже после недели тщетных надежд и обещаний, которыми она его кормила, на насильника Голубев все равно не тянул. Кроме того, сегодня она пару раз уже давала ему понять, что не в восторге от их общения. Он, конечно, тугодум и может не понимать намеков, но наверняка уже чувствует, что что-то не так.

Голубев закрутил бутылку и, продолжая держать ее в руке, вдруг полез целоваться. Он застал Иру врасплох, и она не успела отпрянуть.

Продолжая целовать ее губы, Андрей сунул руку ей под кофточку, пробрался под лифчик и стиснул ее грудь. Рука у Голубева была холодная, и от прикосновения его пальцев к

ее коже Ира вздрогнула. И щетина, эта вечная щетина на его щеках. Зброшенное лицо, заброшенная улица, заброшенный город...

Он продолжал ее целовать, но словно сам стал зимой. Скучной, долгой, серой. И вдруг Ире стало тоскливо. Захотелось домой – в тепло, уют, подальше от этих холодных рук и белого снега за окном, придававшего безлюдной улице какой-то неживой вид.

– Нет! – сказала Ира, схватила его руку и выдернула изпод своей кофточки. Словно стоп-кран дернула.

– Что? – не понял Андрей.

– Я не хочу.

На небритом лице Голубева отобразилось недоумение.

– Издеваешься? У меня уже встал!

– Пусть снова ляжет, сегодня ему ничего не светит.

Андрей пару секунд тупо на нее смотрел, потом усмехнулся и снова полез целоваться.

– Я сказала – нет! – Ира резко оттолкнула его.

На этот раз лицо Андрея стало недоуменным и обиженным.

– Ты же говорила, что сегодня дашь. Отвечай за базар!

Губы Иры презрительно скривились.

– Придурок. Ты сам-то себя слышишь?

Поняв, что переборщил, Андрей примирительно улыбнулся.

– Малышка, давай не будем ссориться. Я от тебя без ума,

ты же знаешь. У тебя нет настроения – я понимаю. Нет так нет. Один поцелуй в знак примирения, и я отстану. Ну?

Не дождавшись ответа, он снова запустил руку ей под кофточку. Ирину передернуло, как от удара током.

– Отвали от меня! – холодно бросила она.

Но он не думал отступать. Внезапно Ира поняла, что Андрей ей омерзителен. И еще – что, пока она в машине, он не прекратит свои попытки, и даже наоборот – усилит натиск, для него это теперь вопрос чести. Мужской чести.

– Открой дверь, я выйду! – резко сказала Ира.

Андрей не отреагировал, тогда она протянула руку к панели и сама отщелкнула кнопку центральной блокировки. Затем открыла дверцу и опустила ногу на асфальт, но Андрей схватил ее за рукав куртки и выпалил:

– Куда ты пойдешь? На улице темно и холодно!

– Доеду домой на метро.

– До метро отсюда минут двадцать пешком!

– Лучше пешком, чем с таким гадом, как ты.

Этого он не ожидал. Пальцы, державшие рукав куртки, разжались сами собой. Уязвленное мужское самолюбие.

– Ладно, нет проблем. Хочешь идти – иди.

Ира взглянула на побагровевшее лицо Андрея. Через несколько секунд чувство обиды превратится в ярость. Нужно спешить. И она быстро выбралась из салона.

Лицо ее обдал ледяной, мокрый ветер – будто в прорубь прыгнула. Ничего, успокоила она себя, метро не так уж да-

леко. И, если повезет, через полчаса она будет дома. Ира видела ярко освещенный «колпак» метро, когда они проезжали мимо него на машине, и знала, где он находится.

Подняв воротник куртки, она бодро зашагала по тускло освещенной улице. «Мерседес» двинулся с места и покатил следом. Когда автомобиль поравнялся с Ирой, Андрей вынул руку из окна и схватил ее за запястье.

– Погоди!

Ирина яростно стряхнула его руку:

– Я сказала: отстань от меня!

– Ладно. Как скажешь. – Физиономия его исказилась от натужной усмешки. – Не такая уж ты и красавица.

Он прибавил скорость, но Ира успела услышать злобно брошенное:

– Сука.

«Мерседес» скрылся за углом.

Ира сразу почувствовала себя одинокой. Вечер был холодный и темный. Фонари светили через один. Стал падать снег, а может быть, падал раньше, но Ира не сразу это заметила.

Подняв воротник куртки, она быстро шла к метро. Путь проходил через небольшой сквер. Едва Ирина ступила на асфальтовую дорожку аллеи, как ей показалось, что она слышит легкий шум чьих-то шагов. Ира остановилась и прислушалась. Нет, ничего. Должно быть, нервы расшалились. Она пошла дальше.

Странный звук повторился. На этот раз шум шагов звучал

отчетливо – словно кто-то семенил по асфальту быстрой и легкой, как у ребенка, поступью.

Ира не хотела оборачиваться, но нервы сдали, и она обернулась. По коже ее пробежал мороз, когда она увидела за спиной собаку. Это был большой белый зверь, словно вобравший в себя сумеречную, недобрую белизну первого промозглого снега. Пес остановился в нескольких шагах от Ирины и угрожающе зарычал. Белые клыки зловеще замерцали в полумраке.

«Главное – не бежать!» – сказала себе Ирина.

Она отвернулась и продолжила путь. Через несколько шагов легкий шум за спиной стих. Ира снова обернулась. Зверь больше не преследовал ее. Приободрившись, она ускорила шаг, но тут дорогу ей преградила светлая фигура, и Ирина остановилась как вкопанная. Человек стоял спиной к горящему фонарю, благодаря чему очертания его фигуры были окаймлены призрачной аурой света, а черт лица было не разобрать.

Ирина оцепенела, но спустя пару секунд сумела собрать волю в кулак, быстро сунула руку в сумочку и достала газовый баллончик.

– Не подходите! – крикнула она. – Это газ!

Фигура не шевелилась. Тогда Ирина повернулась и бегом бросилась к освещенной улице, стараясь побыстрее миновать аллеи сквера.

Краем зрения она уловила какое-то быстрое движение

справа от себя, а потом увидела, словно в замедленном кино, как из тьмы вынырнула белая собачья голова с оскаленной пастью и как сверкнувшие зубы пса сжались на ее запястье. Боль пронзила руку, Ира закричала и выронила баллончик.

– Помогите! – успела крикнуть она, силясь вырвать руку из собачьих клыков.

Клыки разжались, но в тот же миг что-то сильно ударило Иру по затылку, и она поняла, что лежит на асфальте – лицом вниз. А потом кто-то насел на нее и вдавил ее лицо в асфальт с такой силой, что у Иры хрустнула переносица. Хрипя и хватая воздух открытым ртом, Ирина вдруг со всей отчетливостью поняла, что этот вечер – последний в ее жизни, и больше ничего не будет, кроме боли, ужаса и отчаяния. И она оказалась права.

На улице было сыро и прохладно. Журналист Глеб Корсак купил еще банку джин-тоника, сделал несколько глотков и поморщился – какая гадость! На душе было паршиво. В голове играл хмель.

«Нет, ну что за жизнь, а?» – с тоской подумал Глеб. Мало того что затеяли судебное разбирательство, так еще и вышибли из газеты. Можно, конечно, работать фрилансером, но потеря в доходах предполагалась весьма ощутимая.

И что, собственно, такого уж крамольного он сделал? Ну написал серию статей, посвященных исповедам убийц, отбывающих пожизненное наказание. Ну показал их не злобными тварями, а обыкновенными людьми. И что с того? Разве они не люди?

Видите ли, убийцы в его изображении получились слишком уж человечными и вызвали у читателей симпатию. И что с того? Даже акулы-людоеды могут вызвать симпатию, что уж говорить про людей!

Перед глазами у Корсака встали лица родственников убитых, которые поджидали его с плакатами возле дверей редакции. Он вспомнил их гневные крики. Вспомнил шквал угроз, который они обрушили ему на голову, когда он вышел из редакции. Отхлебнул джин-тоника и швырнул банку в урну.

Что ж, наверное, эти люди имели право сделать то, что они сделали. Он невольно задел их чувства. Но журналист постоянно задевает чьи-нибудь чувства. Глеб ожидал скандала, но не думал, что скандал раздуется до такой абсурдной степени, и уж тем более не думал, что его вышибут с работы за статьи, которые стали сенсацией и увеличили тираж газеты на треть. Воистину мир жесток и несправедлив...

Мысли путались в голове у Глеба Корсака. Слишком много водки с тоником было выпито. Слишком мало часов в последние несколько суток он посвящал сну. Но до сна ли сейчас? И время ли быть трезвым?

Глеб представил себе круглую, лоснящуюся физиономию главного редактора Турука и сжал кулаки. Злость, поднявшаяся в душе под влиянием алкоголя и дурных воспоминаний, снова и снова прокручиваемых в голове, требовала выхода.

У обочины дороги остановилась черная «Тойота». Стекло опустилось, и толстый мордоворот, высунув голову, со смехом проговорил:

– Пацаны, смотрите, какая лапа идет!

Глеб проследил за его взглядом и увидел девушку в светлом плаще, торопливо идущую по тротуару к дому.

– Поцелуешь меня, лапуля?! – крикнул ей мордоворот.

Девушка, не оглядываясь, ускорила шаг.

– Если хочешь – я тебя поцелую, – предложил мордовороту Глеб.

Громила повернул голову и уставился на него так, будто увидел перед собой говорящую урну. Глеб понимал, что впечатление, которое он сейчас мог произвести, не слишком-то соответствует образу крутого парня. Среднего роста, с всклокоченными волосами, худощавый... Плащ помят и расстегнут, галстук сбил набок... Не хватает только очков и конторского портфеля в руке, чтобы довершить портрет подвыпившего и обнаглевшего клерка.

– А тебе чего надо, придурок? – презрительно проговорил мордоворот.

– Хочу, чтобы ты не ушел отсюда разочарованным, – отозвался Корсак. – Так что насчет поцелуя?

Мордоворот прищурился:

– Грубишь, тля?

– Наоборот – виляю хвостом. Если тебе не видно, можешь обойти и посмотреть на мою задницу.

Физиономия мордоворота побагровела.

– Думаешь, ты клоун? – свирепо спросил он.

– Думаю, я чудо, – с улыбкой ответил ему Глеб.

Дверцы машины открылись, и двое крепких мужчин в кожаных куртках выбрались наружу.

– Дыня, он же ботан, – сказал один из них, лысый, как колено.

– Ничего, Яйцо, ботанов тоже надо учить, – отозвался мордоворот. И добавил с ухмылкой: – Чтобы не наглели.

Мордоворот стремительно пошел на Глеба. Тот не попя-

тился и не развернулся, он чуть отвел назад правое плечо, а потом спокойно и четко врезал бугаю кулаком по физиономии. Удар снес громилу с ног и швырнул его на асфальт.

Лысый остановился и с изумлением уставился на своего вырубившегося товарища. Затем перевел взгляд на Глеба и хрипло проговорил:

– Ты чего сделал?

– Дал Дыне в дыню, – сказал Корсак. И уточнил: – А тебя, кажется, зовут Яйцо?

– Ах ты...

Лысый выхватил из кармана травматический пистолет. Глеб, не дожидаясь продолжения, шагнул вперед и врезал лысому верзиле ботинком между ног. Тот вскрикнул, выронил пистолет и, зажав отбитую мошонку руками, согнулся пополам. Глеб посмотрел в сторону «Тойоты» и громко спросил:

– Кого еще поцеловать?

Тонированное стекло поднялось, скрыв от посторонних глаз мрачную утробу автомобиля.

– Вот так всегда, – усмехнулся Корсак. – Пообещают и обманут.

Он повернулся и направился к дому, но пройти успел всего несколько шагов. Его догнали сразу двое. Глеб резко повернулся и сжал кулаки, намереваясь сильно огорчить своих преследователей, но мощный удар кулаком в челюсть швырнул его на асфальт. А потом в ход пошли ноги.

«Меня бьют», – понял Корсак, но тут ботинок противника врезался ему в висок, перед глазами у Глеба помутилось, и он потерял сознание.

Очнулся Глеб (если, конечно, это слово применимо к бедолаге, из которого чудом не вышибли дух) в своем любимом баре «Дэдлайн». Черт его знает, как он сумел доковылять до бара. В теле болела каждая клетка. Но лицо, как ни странно, пострадало мало.

Глеб подумал, что название бара полностью соответствует границе, к которой он подошел сегодня вечером¹. Уже месяц он только и делал, что шлялся по барам и ночным клубам, швыряя деньги направо и налево. Банковский счет за это время сжался до микроскопических размеров, подобно ослиной коже из знаменитого романа. Пора было завязывать.

К столику подошел официант Саша, старый знакомый Глеба.

– Тяжелый день? – поинтересовался он, взглянув на Корсака.

– Угу.

– В последнее время тебя слишком часто бьют, дружище.

– Бьют – значит, любят, – констатировал Глеб. – Принеси чего-нибудь... продезинфицировать.

– Глеб, у тебя губа разбита – будет больно.

– Ничего. Это мое привычное состояние.

¹ Deadline (англ.) – последняя граница, крайний срок, «линия смерти».

Официант ушел, а вскоре вернулся с графинчиком водки и парой тарелочек с закусками. Наполнил рюмку, пододвинул ее к Глебу.

– Только не переусердствуй, – посоветовал он.

– Не буду, – пообещал Корсак.

Выпив рюмку и закусив соленым рыжиком, Глеб задумался. Выпивка – это, конечно, хорошо. И пускать свою жизнь под откос – занятие ненапряжное и веселое. Но рано или поздно все равно придется эту самую жизнь налаживать. Одним словом, не пора ли подумать о новой работе?

Глеб Корсак был не из тех людей, которые откладывают дела в долгий ящик. Приняв решение, он тут же достал из кармана плаща мобильный телефон, порылся в справочнике, нашел нужный номер и нажал на кнопку связи.

– Алло, Елена Прекрасная... Да, это Глеб. Привет! Нет, еще не женился. Слушай, у меня нет времени на предварительные ласки, поэтому перейду сразу к делу. Что за работу ты мне предлагала?.. Так. Так. Работа в офисе?.. Пожалуй, я могу попробовать... Начальником?.. Еще лучше. Но помни, что ты мне говорила: мы теперь просто друзья. Нет, я не боюсь домогательств, я просто расставляю все точки над «i»... Вот только не надо пошлить. Все, до завтра!

Корсак отключил связь и сунул мобильник в карман. После чего задумчиво посмотрел на графин с водкой.

Итак, работа в офисе. С девяти утра до шести вечера. Узел галстука – под кадык, волосы причесаны, щеки выбриты, на

морде – вежливая улыбка. А вокруг – белые стены и офисные шкафы с папками. И так каждый день с утра до вечера. Да, и еще курение в специально отведенном месте... Как говорили в Древнем Риме: добро пожаловать в рабство.

Глеб вздохнул и потянулся за графином.

Мужчина в длиннополом сером пальто уселся за стол и посмотрел на Глеба внимательным, дружелюбным взглядом. Долговязый, пожилой, лет этак пятидесяти с гаком на вид, с седоватыми, прилизанными волосами. Глаза большие, блекло-голубые и смотрят с насмешливым спокойствием.

– Глеб Корсак, я полагаю? – спокойно спросил он.

– Угадали. – Глеб прищурил золотисто-карие глаза и осведомился: – Свое имя вы умеете произносить так же четко?

Мужчина улыбнулся и сказал:

– Я – Третий.

– А куда подевались первые два? – уточнил Глеб.

– Третий – моя фамилия. А зовут меня Валерий Николаевич. Я в курсе того, что вы сейчас на мели. Могу я узнать: что именно с вами приключилось?

– Жизнь, – ответил Корсак и сунул в губы сигарету. Начинать беседу с упоминания о «мели» этому парню не следовало. – Знаете что, Третий... – Голос Глеба зазвучал угрожающе. – Почему бы вам не отправиться на поиски первого и второго?

– Прошу прощения, я лезу не в свои дела. Я пришел сюда

предложить вам работу. Причем – срочную.

– Вот как? И что за работа?

– Через два часа состоится крупная игра. Ставки будут пятизначные.

Глеб чуть подался вперед.

– Что за игра?

Третий улыбнулся и приступил к объяснениям. Говорил он негромко, но четко, тщательно подбирая слова и поясняя там, где нужно было пояснить, чтобы не заставлять Глеба переспрашивать. Наконец он закончил.

Корсак прикурил от зажигалки, положил ее на стол.

– Я вынужден отказаться, – сказал он.

– Почему? – спокойно осведомился Третий.

– Слишком опасно.

– У вас будет охрана.

– Я сказал: нет.

Этот ответ Третьему не понравился.

– Я тоже буду рядом, – настойчиво проговорил он. – И не только я. Вы будете работать в рамках «системы». Мы позаботимся о вашей игре. Мы позаботимся о вашем выигрыше. Мы позаботимся о вас.

Корсак прищурил насмешливые глаза:

– Может, вы мне и зуб запломбируете? Второй месяц не могу добраться до стоматолога.

– Послушайте, Глеб...

– Нет, это вы послушайте. Полгода назад я завязал с кар-

тами. Совсем. Можете передать это или самому Саше Персу, или его боссу. Ведь это он вас послал?

Третий чуть склонил голову в знак согласия.

– Вы забавный персонаж, и мне было весело вас послушать, – продолжил Корсак. – Но я сказал вам «нет», и теперь все, чего я хочу, так это просто выпить.

– Разумное желание, – одобрил Третий после паузы. – Я могу вас поддержать. Время почти восемь, и мой рабочий день давно закончен.

– Валяйте. Но если продолжите втирать мне про новую работу, я выдерну вам ноги, вставлю их вам в задницу вместо крыльев, а потом вышвырну вас в окно – даже не пожелав приятного полета. Ясно излагаю?

Третий, глядя на Глеба спокойными голубыми глазами, ответил:

– Вполне.

– Вот и хорошо. – Корсак повернулся к барной стойке и окликнул: – Саша! Будь добр, принеси нам еще один графин и две рюмки!

* * *

Пробуждение далось нелегко.

– Доброе утро, Глеб Олегович!

Корсак сел на кровати, свесив босые ноги на пол, и посмотрел на Третьего мутным взглядом. Потом вздохнул и

сказал:

– Вряд ли я в раю, раз вижу перед собой вашу рожу.

Валерий Николаевич вежливо улыбнулся:

– Рад, что вы меня помните. – С интересом посмотрел на крутые татуировки, покрывающие плечи и грудь Корсака («Дань молодости», – как говорил о них сам Глеб), и спросил: – Как вы себя чувствуете?

– Как я себя чувствую? У меня в памяти провал размером с Марианскую впадину, а в башке ухают куранты. Прекрасно! – Корсак поморщился от головной боли, снова скосил глаза на Третьего и спросил: – Какого дьявола вы здесь делаете?

– Я привез вас вчера домой.

– Ясно. Значит, мы вчера пили вместе?

– Да.

– После игры?

– Да.

Глеб провел ладонью по небритому лицу.

– Кажется, игра мне не удалась.

Третий сочувственно улыбнулся, после чего проговорил:

– Вы подумали, что ваш противник блефовал. И не угадали. Я пытался вас предостеречь, но вы меня не слушали. Вы плюнули на систему и решили добить противника в одиночку. На свой страх и риск.

Корсак помолчал.

– Сколько составил проигрыш?

– Не слишком много. Всего пятнадцать тысяч долларов. Ваше финансовое участие шеф оценил в пять. Шеф просил, чтобы вы ему позвонили, дабы обговорить детали передачи денег.

Глеб остановил на нем взгляд, несколько секунд молча смотрел, а потом сказал:

– Хотел бы я послать вас к чертовой матери. Но вряд ли от этого что-нибудь изменится. – Он отвел взгляд, поднялся с кровати и сообщил: – Я иду в душ. А вы пока сварите мне кофе.

Третий прищурился:

– Может, вам еще и полы помыть?

– Как скажете. Швабра и ведро – в кладовке!

Глеб повернулся и, пошатываясь, заковылял к ванной.

В сущности, все не так плохо, как кажется. Был он журналистом, был писателем, но пора осваивать новые высоты. Директор PR-департамента – это а) статус и б) зарплата в два раза выше той, которую он привык получать, будучи репортером криминальной хроники. Пусть компания и небольшая, но у нее есть перспективы. А значит, перспективы есть и у самого Глеба. Перечисленный Еленой Прекрасной аванс пришелся весьма кстати, поскольку после выплаты карточного долга банковский счет Глеба грозил превратиться в полный пшик.

На новое место работы Глеб прибыл в радужном настроении. Однако после четырех часов сидения в офисе Корсак приуныл. Отношения с офисной оргтехникой тоже не заладились, на что не преминул обратить внимание один из молодых менеджеров.

– Глеб Олегович, – со снисходительной улыбкой сказал он, – ну зачем же вы сами? Это должен делать секретарь. Кстати, вы не туда суете листок.

– Правда? – Корсак выпрямился, прекратив тщетные попытки разобраться с ксероксом. – Тогда, может быть, засунешь куда надо? А я посмотрю со стороны.

Молодой менеджер улыбнулся:

– Как скажете.

– Только не проси с меня денег за просмотр – я сейчас на мели.

– Заметано!

Парень взял у Корсака документ, который требовалось отксерить, и аккуратно установил его на планшетку ксерокса.

– Готово, Глеб Олегович. Теперь, если уж вам приятно все делать самому, можете нажать на зеленую кнопку. Заодно и новую оргтехнику освоите.

– Надеюсь, этот монстр не оторвет мне руку?

– Не должен.

Глеб ткнул пальцем в зеленый прямоугольник.

– Чувствую себя, как в рубке космического корабля, – признался он.

– Ничего, привыкнете. Кстати, у вас галстук сбился на сторону.

– Это не галстук, – сказал Корсак. – Это ошейник. Еще дней пять, и я научусь лаять по команде и приносить брошенную палочку.

Менеджер засмеялся.

– Не будьте пессимистом! Все не так мрачно, как вам кажется.

– Думаешь? Значит, я из тех, для кого стакан всегда наполовину пуст, – резюмировал Глеб.

День тянулся медленно, стрелки на круглом циферблате,

висевшем над дверью, почти не двигались.

Когда до конца рабочего дня оставалось чуть больше часа, Корсак, остановившись возле пластиковой перегородки, чтобы подтянуть ослабший шнурок на ботинке, невольно подслушал разговор двух менеджеров.

– Ой, а ты видел последнюю серию «Цыганской любви»?

– Нет. А что там?

– Ой, там такое! Короче, слушай...

«И с такими милыми ребятами мне предстоит работать каждый день, – с тоской подумал он. – С девяти утра до шести вечера, с понедельника по пятницу... А иногда даже в субботу. И, что особенно неприятно, – в понедельник, утром...»

Глеб скривил лицо и передернул плечами – жуть!

Корсак вышел на лестничную площадку, на стене которой висела табличка «Место для курения», ослабил на шее галстук и поморщился. Он успел подзабыть, что зарабатывание денег может быть таким скучным занятием.

– С ума я тут сойду, – вздохнул он.

– Есть сигаретка? – окликнул женский голос.

Глеб повернулся и протянул пачку подошедшей блондинке. Утром он видел ее в отделе кадров.

– Как вам первый день? – спросила она, закурив.

– Замечательно, – ответил Глеб. – Все такое чистое и белое... Как в больнице.

Блондинка выпустила струйку дыма уголком губ и усмех-

нулась:

– Иронизируете?

– С чего вы взяли?

– Это видно. Говорят, вы были известным журналистом, но после скандала вынуждены были уйти из профессии?

– Люди много всякого болтают.

– Еще говорят, что вы картежник. И что вы сильно проигрались. Это правда?

Глеб не ответил. Девушка не стала настаивать. Она затянулась сигаретой и, выпустив дым, помахала перед лицом рукою.

– Хотите начистоту?

Глеб пожал плечами:

– Валяйте.

– Вы здесь не приживетесь.

– Да ну?

– Точно вам говорю. Вы не такой, как все мы. Другой формат, понимаете?

– Не совсем.

– Мы – «офисный планктон», – разъяснила девушка. – А вы – творческий человек.

Глеб усмехнулся:

– Это комплимент или обвинительный вердикт?

– Констатация факта. – Блондинка стряхнула пепел в стальную урну и снова посмотрела на Корсака. – Не могу понять, как вас сюда занесло?

– Ветер был попутный.

Глеб посмотрел через стеклянную стену на кабинет начальницы. Лена... То есть Елена Владимировна... А еще точнее – Елена Прекрасная, сидя за столом, беседовала с представителем фирмы-клиента.

Девушка проследила за взглядом Глеба и понимающе улыбнулась.

– А, понятно.

– Что «понятно»?

– Вы очередной протее нашей мегеры.

– «Очередной»?

Девушка кивнула:

– Угу. Но это ненадолго. Она вами наиграется и заменит кем-нибудь другим.

– Мрачную перспективу вы мне обрисовали, – иронично заметил Глеб.

– Правдивую, – пожала плечами блондинка. – Она не для вас.

– Хотите сказать, что я ее недостойн?

– Наоборот. Она вас недостойна. По сути, наша Леночка Владимировна – заурядная стерва.

Девушка швырнула окурок в урну.

– Ладно, не болейте!

Она махнула ему ладошкой, повернулась и ушла. Оставшись один, Глеб снова посмотрел на Лену... то есть на Елену Владимировну, поскольку теперь она была ему не только

любовницей, но и начальницей, и здесь, в офисе, он обязан был звать ее по имени-отчеству, да еще и обращаться к ней на «вы».

Начальница как раз выпроваживала представителя клиентов, радужно ему улыбаясь и открывая перед ним стеклянную дверь кабинета.

– Н-да... – задумчиво проговорил Глеб. – А ведь девчонка права – эта дверь открывается в обе стороны.

По пути домой Глеб заехал в супермаркет и купил все, что необходимо молодому мужчине, чтобы приятно скоротать вечер в одиночестве, а именно – бутылку водки «Смирнов» и литровую бутылку тоника. Проходя мимо стеллажа с компакт-дисками, он увидел кучу новых альбомов, выбрал из стопки альбом джаз-ремиксов и направился к кассе.

Интересно, что происходит с нереализованными компакт-дисками? – подумал он вдруг. Куда их отправляют – на какой-нибудь сток-склад или прямиком на свалку? А может, их разбирают себе продавцы? В качестве премиальных. Глеб попытался представить себе продавца, который взял бы себе в качестве премиальных диск с бит-версиями хитов Сары Воэн или Луи Армстронга. Ему представился немолодой, уставший от жизни мужчина. Большая голова с залысинами, очки, резкие морщины по краям рта. Пиджак такой же поношенный, как лицо, но обувь новая и хорошая. Потому что этот парень – старый москвич, а ни один уважающий себя москвич, даже тот, чье пальто побито молью, не позволит себе разгуливать по улицам в дрянной обуви. Лет сорок назад этот лысоватый любитель джаза был юным стилигой, называл друзей «чувачки» и бриолинил себе чуб. С тех пор он сильно пообносился, сменил кучу работ. Но кое-что от прежних замашек осталось.

Испытывая симпатию к неведомому продавцу, берущему премии компакт-дисками, и считая его почти товарищем по несчастью, Глеб свернул во двор и остановился возле подъезда, уставившись на собаку, привязанную к железному заборчику, огораживающему клумбу. Собака лежала на земле, вытянув передние лапы и положив на них голову. Выглядела она внушительно – белая, рослая, короткошерстная, с массивной головой, купированными ушами и маленькими глазами.

Намордника на собаке не было, хотя на вид она явно принадлежала к группе грозных бойцовских зверюг, для которых перекусить человеку ногу или руку не стоило никакого труда.

Среагировав на приближение Глеба, собака приподняла голову и уставилась на него своими темными глазами. Несколько секунд собака разглядывала его, а затем снова опустила голову на лапы.

– Хорошая собачка, – на всякий случай сказал Корсак.

Он осторожно двинулся к подъезду, стараясь пройти как можно дальше от собаки и думая о том, что встретиться с такой зверюгой, когда она голодна и рассержена, он не пожелал бы и врагу.

Вот, наконец, и подъезд. Глеб прижал электронный ключ к гнезду замка, распахнул дверь и шагнул в теплый полумрак подъезда, испытывая некоторое облегчение оттого, что встреча с бойцовским псом закончилась благополучно.

Перед тем как вызвать лифт, он привычно поднялся на несколько ступенек и открыл дверцу почтового ящика. Железная гнутая, исцарапанная дверца не закрывалась на замок. Русские люди, в крови у которых до сих пор играла пугачевская вольница, не терпят замков и запоров и ломают их везде, где только встречаются.

Стараясь не испачкать рукав плаща, Корсак сунул руку в почтовый ящик, пошарил там и наткнулся среди вороха рекламных листов на что-то твердое, обернутое в бумагу. Глеб вынул предмет из почтового ящика. Это был небольшой сверток. Бумага – грубая, оберточная, без единой надписи.

Глеб повертел сверток в руках. Хотел было его развернуть, но передумал и сунул в карман плаща. Подъезд был слишком тускло освещен. Вынув из почтового ящика несколько рекламных листов, Корсак не глядя швырнул их в картонную коробку, стоявшую в углу, затем спустился к лифту и нажал на кнопку вызова, чувствуя сильное, почти непреодолимое желание выпить.

У себя в квартире Глеб первым делом поставил на проигрыватель купленную пластинку, нашел композицию «Speak Low», а затем стал раздеваться, пританцовывая под трогательные речитативы Билли Холидей, положенные на битовую основу.

Сделав особо сложное танцевальное па и швырнув в танце

рубашку на диван, Глеб усмехнулся и пробормотал:

– Жаль, что меня сейчас никто не видит.

Переодевшись в старые джинсы и футболку с надписью «ЙУХ», Корсак выставил на журнальный столик водку, тоник, широкий стакан из толстого стекла и вазу со льдом. Затем уселся в кресло, закинул ноги на край стола и принялся смешивать себе коктейль. Третью стакана водки, столько же тоника, выжатая половинка лимона и горсть льда.

– I feel wherever I go that tomorrow is near, tomorrow is here and always too soon... – пел из динамиков хриловатый и душевный женский голос.

И тут Корсак вспомнил про сверток, который достал из своего почтового ящика. Вспомнил – и удивился. В былые времена он развернул бы посылку, едва переступив порог квартиры, а сейчас практически позабыл о нем. Казалось, вместе с профессией репортера Глеб потерял и свойственное ему обычно любопытство.

Отставив бутылку, Корсак поднялся с кресла и направился в прихожую. Вскоре он вернулся, неся в руке посылку. Сел в кресло и еще раз внимательно осмотрел ее. Обычная оберточная бумага. Ни адреса, ни имени. Любой здравомыслящий человек на месте Корсака вообще не брал бы в руки этот сверток. Мало ли что могут бросить в почтовый ящик журналисту, пусть даже и бывшему. Особенно – в наше время. Тем более что после серии скандальных статей, изданных родной газетой, Глеб получил не менее десятка писем с

угрозами. Его обещали избить, пристрелить, зарезать и, разумеется, взорвать вместе с машиной.

На трезвую голову Корсак непременно вспомнил бы об этих обещаниях, но после двух-трех стаканов водки с тоником он обычно становился нечувствительным к любой опасности. Верующие люди называли подобное состояние «христианским бесстрашием». Глеб же формулировал его для себя примерно так: «Кучей дерьма больше, кучей дерьма меньше».

Отхлебнув коктейля и с хрустом раскусив попавшийся на зубы кусок льда, Корсак принялся разматывать сверток. Слой за слоем, все ближе к середине, и вскоре сорванная бумага валялась на столе, а у Глеба на ладони лежал предмет, сильно смахивающий на обрезок кости. Желтоватый, вычищенный до блеска.

Пару секунд Корсак просто таращился на предмет. Потом сделал резкое, брезгливое движение, словно хотел отшвырнуть его от себя, но сдержался. Глупо швыряться костями, сидя в собственном кресле. В конце концов, фрагмент кости безопаснее, чем бомба, и интереснее, чем использованное женское белье (случалось, присылали ему и такое).

Глеб повертел кость в руках и вдруг заметил, что на ней что-то написано. Надпись была сделана тонким черным маркером. Глеб приблизил жуткую штуковину к лицу и разглядел две латинские буквы: «S» и «E».

Подержав еще немного кость на ладони, Глеб положил ее

на стол и потянулся за водкой.

Вскоре, прихлебывая водку с тоником и поглядывая на загадочную кость, Глеб размышлял над тем, что следовало предпринять нормальному человеку в подобной ситуации. Наверное, нужно позвонить в милицию, то есть в полицию. Но что он скажет? «Здравствуйте! Меня зовут Глеб Корсак. Кто-то бросил мне в почтовый ящик кость. Правда, настоящая она или нет, я не знаю. Пришлите, пожалуйста, кого-нибудь по адресу... (Далее следовал полный адрес проживания Глеба.) Пусть заберут эту дрянь и отвезут ее в лабораторию».

Глеб хмыкнул. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что ему скажут в ответ.

Поразмыслив еще несколько секунд, Глеб решил, что самым правильным в данной ситуации будет выпить. Приняв решение, он снова потянулся за бутылкой.

Глава 2

1

Маша Любимова взглянула на стопку бумаг, лежавшую на потертом столе, затем откинулась на спинку стула и помассировала пальцами ноющее плечо. После аварии прошло целых четыре месяца, но плечо, собранное хирургами буквально по кусочкам, до сих пор заставляло ее содрогаться и стоять от боли.

Любимова убрала руку с плеча и вздохнула. В последнее время суета с бумагами выматывала ее так же сильно, как работа на выездах. К вечеру она чувствовала себя не то что уставшей, но совершенно выжатой. А ведь еще совсем недавно все было абсолютно иначе.

«Самая талантливая в выпуске», «восходящая звезда отечественной юриспруденции». И что в итоге? Ей тридцать четыре года. За плечами... то есть почти за плечами – развод с весьма обеспеченным мужем, с которым она еще совсем недавно собиралась прожить всю жизнь. Что осталось? Съемная «двушка» в Марьиной Роще... Остаток страховки на банковском счету. В нижнем ящике стола – стопка благодарностей от начальства. На погонах – одна большая звезда, которая освещает путь... куда? Да, собственно, никуда. Зав-

тра все будет так же, как сегодня, и чем дальше, тем меньше ожидается сюрпризов. Впрочем, это и к лучшему. Да-да, в тридцать четыре года лучше обходиться совсем без сюрпризов, потому что понимаешь, что сюрпризы в этом возрасте случаются в основном неприятные.

Недавний пример был весьма показателен: когда Маша вышла из реабилитационного центра и вернулась домой (ах, как полезно иногда бывает явиться домой неожиданно, без звонка), она обнаружила в собственной постели совершенно незнакомую женщину. Женщина была обнажена, а из ванной комнаты доносилось фальшивое пение ее супруга, похожее на урчание удовлетворенного кота.

Маша повернулась и покинула квартиру, а на следующий день подала на развод. Однако муж заявил, что он не намерен разводиться и будет бороться за нее.

«Бороться»... Кому нужна его борьба?

Маша снова помассировала пальцами левое плечо. Вот уже четыре месяца она не могла и дня прожить без обезболивающих препаратов. Боль была не острая и на первый взгляд вполне терпимая, но в конце концов и самая малая боль способна измотать человека и превратить его в тряпку.

У Маши было слишком мало времени, чтобы тратить его на борьбу с болью, поэтому в потайном кармашке ее сумки всегда лежал флакон с «Неврилом», обезболивающим лекарством на кодеиновой основе. Для себя Маша называла его просто кодеин.

Подумав о флаконе с лекарством, Маша достала его и встряхнула. Осталась всего одна таблетка. Черт... как всегда неожиданно. Маша сокрушенно вздохнула и положила таблетку под язык. Устроилась в кресле поглубже, пару минут подождала. Боль начала утихать.

Но Маша знала, что это ненадолго. Через несколько часов боль вернется снова.

Мария достала из кармана мобильник, нашла в справочнике номер, обозначенный буквой «Д», и нажала на кнопку вызова.

– Слушаю, – отозвался бодрый и приветливый мужской голос.

– Это я.

– Здравствуйте, Мария Александровна! Чем могу быть полезен?

Маша крепче прижала трубку к уху и тихо произнесла:

– Мне нужен препарат.

– Как всегда или что-то особенное? – тем же приветливым голосом уточнил собеседник.

– Как всегда.

Короткий вздох, и улыбка самодовольства (Маша так и видела ухмыляющееся лицо дилера – наверное, приятно знать, что держишь на коротком поводке майора угрозыска).

– Хорошо, Мария Александровна. перезвоните мне через пару часов. Всего доброго!

Дилер отключил связь.

Мария убрала телефон в свою безразмерную сумку, в которой помещался миллион необходимых вещей. Погладила ладонью болезненное плечо, словно надеялась усмирить боль. Взгляд ее упал на зеркало. Худощавое лицо с правильными, но не слишком выразительными чертами. Светлые выющиеся волосы, стриженные в каре. Высокие скулы. Карие глаза. Под глазами – тени, притушенные пудрой. Минимум косметики (губная помада да чуть-чуть туши на ресницах).

И прежде хрупкая, сейчас она напоминала себе хрустальный бокал, готовый разбиться от простого прикосновения.

– Запустила ты себя, Маша, – со вздохом сказала она. – Ой запустила. Пора бы уже выкарабкиваться.

Вздохнув, она продолжила размышлять вслух:

– Роман, что ли, закрутить? Но для романа обычно нужны мужчина и женщина. Где же мне взять подходящего мужчину?

Зазвонил телефон. Любимова взяла трубку:

– Да.

– Мария Александровна, это я.

– Слушаю вас, Андрей Сергеич.

– У нас труп. На пустыре, неподалеку от «Щелковской». На обочине дороги. Выезжайте срочно – машина уже ждет.

– Волохов и Данилов в курсе?

– Да. Вероятно, они приедут на место раньше вас.

– Хорошо, Андрей Сергеич.

Положив трубку, Мария убрала бумаги в стол, поднялась с

кресла и шагнула к вешалке. Надевая свой стильный, непромокаемый бежевый плащик от «Burberry», Маша совсем не чувствовала боли. В один миг в ней проснулся профессиональный азарт, наполнив ее рвением и уверенностью в своих силах.

Погода не радовала. Выпавший накануне снег растаял, оставив после себя грязные озерца луж, которые уныло поблескивали под серым осенним небом. Моросил мелкий дождик, больше похожий на взвесь холодного пара. То и дело налетавший ветер заставил Машу поднять воротник плаща.

Она огляделась. Группа криминалистов, приехавшая раньше нее, была занята работой.

– Здравствуй, Толь! – поприветствовала она оперативника Толю Волохова.

– Привет, Маруся!

Майор Волохов, белобрысый, рослый и могучий, как древнерусский богатырь, бережно пожал ей руку, словно боялся ее сломать. Слегка одутловатые щеки его покрывала двухдневная щетина.

– Как сама? – обронил Толя Волохов, взглядевшись в бледное лицо Марии.

– Ничего. А ты?

– Да все путем.

– Как Галя? – осторожно спросила Маша.

По лицу Волохова пробежала тень.

– Плохо, – пробасил он. – Она меня уже не узнает. Принимает то за брата, то за отца. Доктора говорят, что процесс уже необратим.

– А как у тебя *там*? – столь же осторожно спросила она, намекая на любовную связь Волохова на стороне.

Толя сощурил глаза:

– А тебе все надо знать, да?

– Ты мой друг. Но если не хочешь – не говори.

Он вздохнул:

– Да ладно, чего уж... *Там* у меня все закончено. Удивил?

– Немного.

– Да я и сам на себя дивлюсь. Понимаешь, Марусь, не могу я так. Жена тяжело больна, а я шашни кручу с любовницей. Как будто пир во время чумы. Как будто уже похоронил Галку при жизни. Все это как-то не по-человечески.

– И что будет дальше?

– Сам не знаю. Может, ничего и не будет. Я в последнее время сам не свой. Думал, давно уже ничего не чувствую, а тут вдруг... проняло. Посмотрел однажды на ее руки тонкие, на ее щеки запавшие, на ее глазища... Ну, и дернулось что-то внутри. Тебе смешно?

Маша покачала головой:

– Нет.

Толя усмехнулся:

– Ладно, Марусь, давай не будем о грустном. О, а вот и наш буддист вышагивает! – Он протянул руку подошедшему оперативнику Стасу Данилову. – Здравствуй, брахмапутра!

– Те же и там же, – иронично констатировал Стас. – Красавица и чудовище.

Худощавый, насмешливый Стас Данилов пожал протянутую руку, глянул на заросшие щетиной щеки здоровяка-оперативника и спросил:

– Анатоль, мон ами, вы совсем перестали бриться?

Волохов поскреб толстыми пальцами по щетине.

– А что, не нравится?

– Трудный вопрос. Скажу одно: если ты думаешь, что борода добавляет тебе шарма, ты ошибаешься. Это же относится и к мешкам под твоими глазами. Если, конечно, в этих мешках у тебя не золото.

Глядя на коллег, Маша в который уже раз подумала, что они выглядят как полная противоположность друг друга. Стас не только был худощав и темноволос, но и обладал приятной наружностью, тогда как Толя Волохов был вылеплен грубо и незатейливо. Чувственные черты Стаса и светящийся мальчишеский взгляд его серых глаз могли покорить самое неприступное женское сердце. Волохов же в присутствии красивых женщин терялся, краснел и делался еще более неуклюжим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.